

**ЗАГАДОЧНАЯ ЛУКЕРЬЯ.
ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДНОЙ КРИТИКОЙ
« РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ДУХОВНОСТИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И.С. ТУРГЕНЕВА
«ЖИВЫЕ МОЩИ»)***

Аннотация: В статье раскрыто восприятие русской религиозной духовности западными критиками на материале рассказа И.С. Тургенева «Живые мощи».

Ключевые слова: западные мыслители, русская религиозная духовность.

Во Франции И.С. Тургенев опубликовал рассказ «Живые мощи» 8-го апреля 1874 года в «Тан». На следующий день он получил письмо от Ипполита Тэна, крупного ученого – историка, искусствоведа и литературного критика, чье мнение Тургенев ценил очень высоко. Обычно сдержанный, Тэн был так потрясен рассказом и написал такой восторженный отзыв, что ему даже показалось необходимым извиниться за свою эмоциональность. «Извините меня: это впервые я так спонтанно пишу автору о его сочинении». Приведем основные доводы критика. «...какой шедевр! Я жму вашу руку с уважением и восхищением, и если бы я мог, я бы расцеловал вас. Какой урок для нас, как свежо, какая глубина, какая чистота! Как это показывает, что наш источник высох! В мраморных карьерах остались только лужи стоячей воды, а рядом такой неистощимый ручей, полный до краев воды. Какая жалость для нас, что вы не француз!...Я прочитал «Лукерью» трижды» [1: 152].

В этом «спонтанном» отклике заложены, как оказалось позднее, возможности совершенно разных его интерпретаций, и об этом мы скажем ниже.

Сначала необходимо восстановить историю замысла рассказа, его создания, первых публикаций и отзывов.

«Живые мощи» были задуманы еще во время работы над первыми рассказами из «Записок охотника», то есть за четверть века до выхода в свет.

Причина, по которой автор не включил эту историю в «Записки охотника», была, как позже признался он сам, в том, что она казалась ему «не идущей к делу», то-есть выпадающей из общей тематики «Записок». Примечательно, что писатель и в 1874 году проявляет ту же нерешительность, полагая, что «Живые мощи» – вещь «незначительная».

Тем не менее, он понимал, где и когда она может быть реально востребована: «Желая внести лепту в «Складчину» («Складчина» – литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии) и не имея ничего готового, стал рыться в старых бумагах и нашел это...» – пишет он Полонскому Я.П. в январе 1874 г., то есть, одновременно с отправкой рассказа в «Складчину»: «Хотел бы прислать нечто более значительное – но, чем богат – тем и рад» [2-Письма. Т. 10: 191].

Тургенев тогда не подозревал, какое «богатство» принесет ему этот рассказ, однако показателен сам факт, что литературная судьба «Живых мощей»

* © Солодовник В.Н.

началась с акта благотворительности.

Среди сравнительно небольшого количества произведений И.С. Тургенева, посвященных христианской тематике, «Живые мощи» занимают особое место. В «Дворянском гнезде», в «Рассказе отца Алексея», в «Странной истории» изображаются различные типы православных русских людей; есть немало библейских аллюзий в «Стихотворениях в прозе», но только в «Живых мощах» можно обнаружить жанровые черты, сближающие этот рассказ с житийной литературой. Кроме того, это произведение проясняет некоторые аспекты очень непростой проблемы отношения Тургенева к христианству.

Известно, что писатель считал и называл себя неверующим. В литературных заметках, в письмах Тургенева встречаются свидетельства религиозного скепсиса, а подчас и иронии. Обобщая, можно вычленить как минимум два конкретных адресата этой иронии: лицемерие и преступления под маской религиозного благочестия. Однако истинно верующие люди вызывали у него не только уважение, но даже благоговение. И еще: только в ранней юности он – поклонник Байрона – позволял себе некоторое романтическое бунтарство, которое, впрочем, не оборачивалось серьезным богоборчеством. Напротив, уже тогда, в пору духовного самоопределения, он ощущал свое неверие как несчастье. Ему было 25 лет, когда он писал:

*«О жизни думал я, об Истине святой,
О всем, что на земле навек неразрешимо.
Я небо вопрошал, и тяжело было мне –
И вся душа моя пресытилась тоскою...»*
«Разговор» (2 – Сочинения. Т. 1: 102).

А вот пассаж из письма графине Ламберт, написанного в 1856 году:

«Как оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не делал, как гонялся за глупостями... У нас нет идеала – вот отчего все это происходит: а идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией. Но не всякий родится афиняном или англичанином, художником или ученым – и религия не всякому дается – тотчас. Будем ждать и верить» [З: 9].

Отметим два момента в приведенной цитате: для Тургенева важнейшим становится поиск идеала; кроме того, он не закрывает для себя путь веры, отчего последняя фраза письма наполняется у него двойным смыслом.

Пять лет спустя он пишет тому же адресату:

«Да, все земное прах и тлен... Имеющий веру имеет все и ничего потерять не может, а кто ее не имеет – тот ничего не имеет, и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим» [З: 141].

Здесь чувствуется мудрость и глубина самооценки писателя, достигшего духовной зрелости.

Еще важное признание, сделанное годом позже:

«Я не только не мешаю ей (дочери) ходить в церковь, но и сам с ней хожу... И если я не христианин – это мое личное дело – пожалуй, мое личное несчастье» [З: 156-157].

Приведенные цитаты достаточно убедительно, на мой взгляд, доказывают сложность и неоднозначность отношения Тургенева к религии. В любом случае, для нас важен тот факт, что писатель, глубоко укорененный в русской народной традиции, хорошо понимал великую духовную силу православия и сочувствовал верующим.

В рассказе «Живые мощи» он отводит себе лишь роль очевидца того, что в христианской традиции может быть названо чудом: Лукерья, бывшая раньше дворовой девушкой, красавицей и певуньей, теперь превратилась в мумию, «живые мощи»; таинственная болезнь сковала ее физической неподвижностью, жизнь тела остановилась в ней, но тем удивительнее почти невероятная сила духа, буквально окрыляющая ее. Автор-рассказчик потрясен ее жизнерадием, ее смирением, радостным ощущением красоты мира, наконец, верой, которая для нее так же естественна, как сама жизнь.

Рассказ автобиографичен, однако Тургеневу пришлось защищать правдивость изображенных здесь событий перед лицом рационалистического скепсиса некоторых из его западных почитателей. В ответном письме своим немецким коллегам и друзьям, Людвигу Пичу и Юлиану Шмидту, которым рассказ понравился, но «вызвал некоторые сомнения», Тургенев подтверждает реальность всего описанного. Однако его дотошные немецкие друзья осведомлялись, действительно ли ее лицо выглядело «как бронза», и почему не было пролежней у лежащей больной, и еще одно: если были закрыты двери и окна, то как же Иван Сергеевич не почувствовал вони? По тону письма Тургенева чувствуется, что он задет этим недоверием и потому горячится: «...все это ИСТИННОЕ происшествие....Двери же не было вовсе – но честное слово, я не почувствовал никакой вони. Но довольно реализма!» [2 - Письма. Т. 10: 435].

Странно, что такие известные в свое время литераторы как Пич и Шмидт не сумели понять, увидеть главное в рассказе – преклонение писателя перед силой и глубиной веры героини – и сосредоточили свое внимание на чисто физических деталях.

Впрочем, не так уж странно, если обратиться к одному любопытному документу – этюду того же Шмидта о Тургеневе, где он пытается дать портрет русского писателя на общем фоне духовной жизни России и ее истории. На мой взгляд, этот этюд отражает СУЩНОСТНЫЕ СТОРОНЫ ВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДНЫМИ МЫСЛИТЕЛЯМИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ДУХОВНОСТИ, и не только в ту эпоху, но и в наши дни. Рассуждая о нигилизме как об «излиянии ненависти», Шмидт связывает его с панславизмом, который, в свою очередь, связывается у него с «религиозным иступлением» русских, в котором он видит угрозу для Европы:

«Русский народъ, как это теперь доказано, способенъ отдаться великой страсти. Если эта страсть возвысится на степень культа – чего-то въ роде религиознаго иступления, то она можетъ сделаться опасной для Европы... Въ народе словно дремлютъ силы, совершенно чуждыя европейской цивилизации и непонятныя ей» [4: 22].

Особенно показательны размышления Шмидта о различии религиозности западного человека и русского. Обратим внимание на аргументацию, которая демонстрирует искреннюю убежденность ее автора в превосходстве западного христианства, с одной стороны, и печальное невежество в области истории русской православной церкви, с другой.

Он пишет: «Отношение русскаго къ его религии существенно иное, чемъ у насъ. На западе христианство поглотило высшяя духовныя силы; после основания церкви, Данте увенчалъ ее безсмертнымъ творением...Все мы, даже если издеваемся надъ святыней, все-таки гораздо более религиозныя и добрыя христиане, нежели сами думаемъ. Слово Божие твердо запечатлено въ нашей

совести; хотя мы и не всегда сознаемъ это... О такой духовной жизни никогда не было и помину въ русской церкви. Стремление молодого поколения къ образованию не встретило въ родных идеалахъ ничего такого, на что можно было опереться или хотя бы противъ чего можно было серьезно бороться; поэтому молодежь бросилась на чужие идеалы, почерпнутые изъ протестантскихъ или католическихъ поэтовъ» [4: 22-23]. При таком подходе и Лукерья, естественно, будет восприниматься как еще один случай «религиозного иступления», не более того.

Похожие мысли находим и в этюде Л. Пича, созданном уже после смерти Тургенева. Рассказы начала 70-х годов, в том числе «Живые мощи», он называет «мелкими», изображающими «непонятные для жителей Запада явления темной религиозной жизни русского народа», которыми тогда Тургенев «увлекся». Л. Пич видит здесь не только «страшное, загадочное», но и ДЕМОНИЧЕСКОЕ! [4: 91].

Другие критики, например, Георг Брандес, сочли рассказ «замечательным образчиком простых монографий несчастья» [4: 33] – и только.

Более тонкое понимание тургеневского таланта в изображении русского народного характера (в «Живых мощах») обнаруживает Мельхиор де Вогюэ, когда пишет о Лукерье так: «Въ этихъ бранныхъ останкахъ живетъ душа, очищенная страданиями, божественно смиренная, парящая на высоте полного самоотречения, не утратив, тем не менее, своей деревенской наивности» [4: 49-51]. Однако в заключение своих рассуждений о героине и Вогюэ делает снисходительно-небрежное обобщение, называя «особенно ярким» в рассказе «стоическую, немного животную покорность судьбе, свойственную русскому мужику, всегда готовому страдать» [4: 51].

По контрасту, приведем один из отзывов, появившихся в русской прессе сразу же после публикации «Живых мощей». А.П. Чебышев-Дмитриев, сотрудник «Нового времени», в одном из своих эссе «Письма о текущей литературе и еще кое о чем» отмечает, что рассказ «Живые мощи» «должен быть причислен к лучшим перлам русской литературы» [2-Письма. Т. 11: 475].

Между тем, реальная судьба «Живых мощей» продолжала развиваться по пути благотворительности, как в России, так и во Франции. Тургенев читал свой рассказ на двух или трех (не уточнено до сих пор, так как поиски писем и других мемориальных источников продолжаются и теперь) литературно-музыкальных вечерах, проводимых с благотворительной целью в пользу русских студентов в Париже, а также в пользу русской библиотеки в этом городе, которая создавалась под руководством Ивана Сергеевича.

Это было весной 1875 года, а уже в июле того же года в Карлсбаде состоялся творческий вечер в пользу моршанских погорельцев. Пожар в Моршанске (Тамбовская губерния), как сообщалось, истребил почти весь город и многие русские за рубежом откликнулись на эту беду. Тургенев выбрал для чтения на этом вечере две вещи – «Льгов» и «Живые мощи»; его выступление было «приветствовано восторженно» [2 – Письма. Т. 11: 498].

Важно отметить, что и на Западе восприятие рассказа, как уже отмечалось, не было однозначно отрицательным. Среди критиков и читателей нашлись такие, которые высоко оценили гуманистический пафос и художественную правду «Живых мощей». Тургенев был приятно удивлен и обрадован тем, какую оценку этой вещи он получил в адресованных ему посланиях. В

двух письмах П.В. Анненкову (март – апрель 1874 г.) он выражает свое чувство благодарности и признательности:

«Оказывается, «Живые мощи» получили большой преферанс – и в России и здесь: я от разных лиц получил хвалебные заявления, а от Ж. Занд даже нечто такое, что и повторить страшно...Ничего, оно приятно, странно, но приятно» [2 – Письма. Т. 10: 225].

Что же написала Жорж Санд, что «и повторить страшно»? В числе «спонтанных» отзывов два были действительно восторженными, – один от Ипполита Тэна, другой от автора «Консуэло». Вот он:

«Сколько души, глубины и правды, какой простой и очаровательный язык! Все должны учиться у вас, все без исключения, даже наш великий лама Виктор Гюго» [5: 227].

Если сопоставить эти два отзыва, можно заметить сходство некоторых моментов: оба критика акцентируют «правдивость» и «глубину», оба признают право автора «Живых мощей» быть УЧИТЕЛЕМ современной им французской литературы. Какой контраст с мнением Пича, Шмидта и других, усмотревших в «Живых мощах» духовность, опасную для Европы!

Конечно, Иван Сергеевич послал ответ Ж. Санд немедленно:

«Что мне сказать о похвалах, которые вы расточаете моим «Мощам»? Они столь подавляюще великолепны, что я едва осмеливаюсь за них благодарить. Но, уверяю вас, я все же очень доволен...» [2 - Письма. Т. 10: 433].

А далее он делает признание, которое не только проясняет характер его отношения к Жорж Санд и оценку ее творчества, но является, возможно, свидетельством того, что Тургенев изначально, по замыслу сближал подвижничество Лукерьи с понятием «святой жизни», святости:

«...и в связи с этим должен вам сказать одну вещь: я намеревался посвятить этот рассказ вам; но Виардо, которого я спросил, посоветовал мне подождать, пока я напишу что-либо более значительное и более достойное великого имени, которым я хотел его украсить. Теперь я сожалею, что не последовал первому побуждению» (там же). Ассоциация «первого побуждения» и «святости», подвижнической жизни проясняется, если учесть, что в одном из писем 1876 года, сразу после смерти Ж. Санд, он, «глубоко огорченный» ее кончиной, называет писательницу не только «великой фигурой современной литературы», но и «одной из наших святых»!

Интересно, что «неимуций» в религиозном отношении Тургенев обратился, в поисках самой высокой похвалы, к слову «святая». И, думается, дело здесь не только в «великом, могучем, правдивом и свободном русском языке», который подсказал ему это определение, но и в самом «предмете» – жизни Жорж Санд. По свидетельству многих знавших ее людей, писательница была человеком необычайно отзывчивым, всегда готовым к самопожертвованию. Именно эти качества вызывали у Тургенева благоговение:

«На мою долю выпало счастье личного знакомства с Жорж Занд... Кто мог видеть вблизи это редкое существо, тот, действительно, должен почтеть себя счастливым...Всякий тотчас чувствовал, что находится в присутствии бесконечно щедрой, благоволящей природы, в которой все эгоистическое давно и дотла было выжжено неугасимым пламенем поэтического энтузиазма, веры в идеал, которой все человеческое было доступно и дорого, от которой так и веяло помощью, участием...И надо всем этим какой-то бессознательный ореол,

что-то высокое, свободное, героическое... Поверьте мне: Жорж Занд – одна из наших святых...» [2 – Сочинения. Т. 14: 232, 234].

Поразительно, как приложимо все это к духовной сущности характера героини «Живых мощей», – конечно, с поправкой на социальный статус Лукерьи; но, как известно, социальный статус в истинно христианской вере не имеет значения. Что же касается справедливости тургеневского суждения о Ж. Санд, она подтверждается хотя бы этим пассажем из ее письма к четырнадцатилетнему сыну:

«Главный порокъ, котораго тебе следует опасаться, – слишкомъ большая любовь к самому себе. Этимъ порокомъ страдаютъ все мужчины и все женщины... Никогда еще эгоизмъ не исповедывался такъ открыто и не проявлялся въ такихъ возмутительныхъ формахъ, какъ въ нашъ векъ... Подумай же, какъ виновень передъ Богомъ тотъ, кто, зная страдания и нужды своихъ ближнихъ, и имея возможность вложить все свое сердце и посвятить всю свою жизнь на то, чтобъ помочь имъ, спокойно каждый вечеръ засыпаетъ на мягкой постели, или наполняетъ себе брюхо вкусными яствами... Я же думаю, что земля наша принадлежитъ Богу... Не можетъ входить в его намерения, чтобъ изъ живущихъ на этой земле одни умирали отъ обжорства, а другие съ голода. Что бы тамъ ни говорили, ничто не помешаетъ мне чувствовать скорбь и негодование при виде нищаго, проливающегоъ слезы у порога богача» [6: 65-66].

Действительно, Тургенев был вправе сказать, что на его долю «выпало счастье» быть лично знакомым с такой женщиной! И тот факт, что именно ей он собирался посвятить «Живые мощи», конечно же, имеет важное значение для понимания сути духовного содержания его рассказа. Кстати, и Луи Виардо, как многие западные друзья Тургенева, не увидел этой сути, посоветовал автору «подождать чего-то более значительного». Вероятно, здесь кроется одна из причин, если не главная, того, что Тургенев, который всегда был склонен к заниженной самооценке, вначале определил свой рассказ как «безделку», – ведь известно, какое влияние имело на него мнение четы Виардо, которым он обычно читал свои произведения прежде, чем отдавал их в печать. А Луи Виардо был значительной фигурой в тогдашней французской культуре, но культуре светской ориентации, не близкой христианству, тем более православному типу.

Заслуживают внимания еще некоторые аспекты отношения Тургенева к героине «Живых мощей» и ее судьбе, – в интерпретации современных ему западных литераторов. Некоторые из них полагали, что писателю «становилось страшно» от проявления «религиозного исступления» в русском характере. Следует заметить, что страшно, даже жутко ему становилось совсем от другого – от диких проявлений самодурства, жестокости и других пороков, порождаемых крепостничеством. То, что Тургенев был одним из самых горячих сторонников освобождения крестьян и принимал деятельное участие в его подготовке – не случайный факт. Поучительна также история его отношений с крестьянами (принадлежавших ему деревень) после 1861 года.

У. Рольстон, английский переводчик произведений Тургенева, по тем временам отличный знаток русской литературы, вспоминал:

«Во время пребывания моего въ Спасскомъ, я успелъ узнать глубину его сердца, обширность его симпатий и къ человеку, и къ животным, ко всему, что живетъ и страдаетъ... Почти все рассказы Тургенева трогательны. Славянский

темпераментъ склоненъ къ меланхолии, а Тургенев былъ истый славянинъ» [4: 96-97].

Рольстон понял главное в русском писателе, «истом славянине», – его «симпатию...ко всему, что живет и страдает». Думаю, именно с этих позиций нужно рассматривать и отношение автора «Живых мощей» к его героине. Текстуальный анализ рассказа подтверждает это. В течение всей долгой беседы с Лукерьей, беседы, составляющей фабулу истории, автор-повествователь лишь дважды использует слово «страшно»: в первый раз, когда он разглядел в полутьме лицо Лукерьи, но употребляет не наречие, а прилагательное – «страшное», причем в таком контексте, который не оставляет сомнений в том, что речь идет не о чувствах автора, но о внешнем виде героини, – иначе зачем здесь такие еще определения как «не безобразное», «красивое»!

«Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое, – но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нем, по металлическим его щекам, я вижу – силится... силится и не может расплыться улыбка» [2 – Сочинения. Т. 4: 354].

Уже здесь чувствуется то, что станет лейтмотивным в рассказе, – огромное, осязаемое как физическая боль, сострадание. Автору не страшно САМОМУ, ему страшно – ЗА ЛУКЕРЬЮ:

«Это, однако же, ужасно, твое положение! – воскликнул я...»;

«И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?»;

«Жестокая, каменная неподвижность лежавшего передо мною живого, несчастного существа сообщилась и мне: я тоже словно оцепенел» [2 – Сочинения. Т. 4: 356, 357, 359].

Второй случай употребления понятия «страшно» еще любопытнее. Здесь оно выражено словом «ужас» и использовано в ситуации, когда Лукерья решается... запеть. Восстановим микроконтекст, что позволит прояснить смысл, заложенный в это слово в данной части рассказа:

«Лукерья собралась с духом...Мысль, что это полумертвое существо готовится запеть, возбудила во мне невольный ужас. Но прежде, чем я мог промолвить слово – в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук...за ним последовал другой, третий... Но так трогательно звенел этот бедный, усиленный, как струйка дыма колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить... Уже не ужас чувствовал я: жалость несказанная стиснула мне сердце» [2 – Сочинения. Т. 4: 360].

Так минутный, «невольный» ужас сменяется тем, что свойственно автору изначально – «жалостью несказанной», которая «стиснула сердце».

Если слова «страшно», «ужас» встречаются в рассказе дважды и не имеют прямого отношения к чувствам повествователя, то глаголы, выражающие действие изумления – многочисленны. Они-то и составляют гамму чувств, охвативших автора:

«Я... остолбенел от удивления»; «как ошеломленный глядел я»;

«...а я с изумлением глядел на нее»; «Я, признаюсь, удивился»; «...и опять – таки не мог не подивиться...»; «подивился я тут про себя» [2 – Сочинения. Т. 4: 354, 355, 357, 363, 364].

Чему же так изумляется автор? В одном месте истории есть пояснение:

«Изумляло меня собственно то, что она рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» [2 – Сочинения. Т. 4: 355].

Итак, СМирение, Терпение – основные добродетели в православном вероучении – изумляют Тургенева в Лукерье, вызывают в нем живое сочувствие. Даже эпиграф, который он выбрал для рассказа, свидетельствует о том же:

*«Край родной долготерпенья –
Край ты русского народа!» (Ф. Тютчев)*

Какое уж тут «религиозное исступление» или «страшное, загадочное», тем более «демоническое» в восприятии Лукерьей (как и самим Тургеневым) описанных здесь событий!

Есть еще один эпизод, характеризующий тургеневское отношение к добродетели «долготерпенья» у русского народа. На этот раз свой рассказ о реальных событиях Тургенев поместил в письмо Я.П. Полонскому, и примечательно, что это то самое письмо (от 6 февраля 1874 года), в начале которого писатель сообщает обстоятельства первого появления «Живых мощей» в печати. Таким образом, рассказ, приведенный в этом письме, подтверждает основную мысль «Живых мощей» о добродетели смирения, по свидетельству самого Тургенева. Речь там идет о голоде в Тульской губернии в 1841 году. Несколько лет спустя писатель был проездом в тех же местах, и в деревенском трактире он спросил старика, хозяина трактира, были ли во время голода беспорядки, был ли бунт. Ответ старика поразил Тургенева:

«Какие, батюшка, беспорядки? – возразил с изумлением старик. – Ты и так богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?» [2 – Письма. Т. 10: 191]. Имелось в виду, конечно, что голод – наказание господне, а бунт – грех. Очевидно, выраженное здесь отношение – то самое, которое отдельные западные критики того времени называли «животной покорностью». Однако у Тургенева на этот счет другое мнение. Приведя слова трактирщика, он заканчивает свое письмо так:

«Мне кажется, что помогать такому народу, когда его постигает несчастье, священный долг каждого из нас» (там же).

Полагаю, Иван Сергеевич при этом имел в виду не только конкретно свой вклад («Живые мощи») в благотворительный альманах «Складчина», но и выражал, в целом, свое понимание православной народной нравственности, а также того долга по отношению к народу, который лежал на плечах русской интеллигенции XIX века.

В начале XX века более всего о Тургеневе на Западе писали и спорили русские интеллигенты той волны русской эмиграции, которая пришлась на время Октябрьской революции в России, время кризисное и трагическое для судеб нашего отечества. Тургенев тогда – уже посмертно – сыграл исключительную роль в духовной жизни писателей-эмигрантов. Они искали в нем нравственную опору, он помогал им не потерять себя, учил быть и оставаться настоящими патриотами в изгнании, любить Родину, не имея надежды на возвращение домой. Тяжкая доля! Не случайно Борис Зайцев создал тогда лирическую книгу о Тургеневе, самую задушевную биографию из всех, которые были о нем написаны, Не случайно Нина Берберова взялась тогда за перевод его писем (американцу Генри Джеймсу) с английского языка на русский!

Не случайно о нем писали тогда почти все русские писатели-эмигранты. Причем оценочная шкала колебалась от восторженного поклонения до столь же решительного уничтожения. Знаменательно, что споры об отношении Тургенева к христианству не умолкали и в то время – а также и позже. Достаточно

сравнить статьи Константина Бальмонта с критическими эссе Владимира Набокова, чтобы убедиться, к каким экстремальным выводам приводят предвзятые суждения.

Современная западная критика, изучающая наследие Тургенева, тоже достаточно интересна. В ней отчетливо видно стремление ввести великого русского писателя в русло проблем, волнующих ученых сегодня.

Остановимся лишь на двух, но, как представляется, достаточно показательных примерах, иллюстрирующих направление духовных поисков западных филологов сегодня.

Предмет размышлений тот же – рассказ «Живые мощи»; цель, как правило, – «новое прочтение», с опорой, почти исключительно, на текстуальный анализ. Канадский профессор Глазова-Корриган в статье «Христианство как освобождение личности у И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского» проводит интересное наблюдение над характером религиозной духовности русского человека на примере тургеневской Лукерьи. Со многими положениями можно согласиться бесспорно, – об идее мученичества как пути к спасению, о роли подвижничества в освобождении духовной сущности человека и другими. Однако основная мысль работы Глазовой-Корриган вызывает сомнения. Автор ищет в рассказе подтверждения актуальности и доказательности тезиса о том, что главное в христианстве – проблема ЛИЧНОГО освобождения человека. Причем непременным условием этого освобождения считает «переплетение дохристианских и христианских слоев сознания» [7: 360]. В данной концепции ясно обозначаются две ведущие тенденции современного гуманитарного знания на Западе: индивидуализм и неоязычество. Можно было бы поразмыслить об истоках и причинах того и другого, однако это не является непосредственной задачей нашего исследования. Что касается рассказа «Живые мощи», вряд ли для его автора эти вещи имели первостепенное значение. Лукерья, представительница самого «глубинного слоя в народе, естественно, несет в себе какие-то языческие черты, но они связаны с подсознанием, главным образом, с ее ощущением природы. Вся ее нравственная жизнь связана с Богом, она мыслит и говорит языком православных образов и понятий. Относительно «личного» спасения, Лукерья, конечно же, уповает на него, иначе она не была бы христианкой, но при всем том, ни автор, ни его героиня не ставят это в центр внимания в своей беседе. Как раз напротив, Лукерья настойчиво возвращается к мысли о других людях, гораздо более достойных спасения, тем самым как бы умаляя свое горе и самое себя:

«Эх, барин! – возразила она. – Что вы это? Какое такое терпение? Вот Симеона Столпника терпение было точно великое: тридцать лет на столбу простоял!... А я что?» [2 – Сочинения. Т. 4: 364].

Смирение и еще раз смирение, – вот суть духовной жизни тургеневской героини, и в последней фразе рассказа автор специально акцентирует эту мысль:

«Рассказывали, что в самый день кончины она все слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничным. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: с неба» [2 – Сочинения. Т. 4: 365].

Второй пример современной западной интерпретации, на мой взгляд, очень характерный, находим в вышедшей недавно на русском языке книге А.

Звигильского «Иван Тургенев и Франция». Нет нужды представлять тургеноведам это имя. Александр Звигильский отдал более тридцати лет изысканиям мемориальных материалов о Тургеневе во Франции и за ее пределами, он – основатель и бессменный директор музея Тургенева в Бужевале, а также руководитель «Ассоциации друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран». За последние четверть века «Ассоциация» стала главным центром тургеноведения на Западе и провела огромную работу по скрупулезному изучению свидетельств (как письменных, так и иных) жизни и творчества русского классика во Франции, по преимуществу.

Книга «Иван Тургенев и Франция» содержит массу интересной информации, она свидетельствует об искреннем преклонении ее автора перед великим русским писателем; гораздо менее она привлекательна с точки зрения этической: уж слишком бесцеремонно вторгается исследователь в интимную жизнь Тургенева, выстраивая одну за другой гипотезы, рассчитанные на сенсацию и имеющие прямо-таки авантурный характер. Если вспомнить, как скромен и сдержан был писатель во всем, что касалось этих сторон его личной жизни, становится неловко и даже неприятно: ученому-мемуаристу пристало бы более бережно относиться к памяти Тургенева и уважать его скромность (не нарушать «суверенитет личности», если выразиться языком европейского этикета).

Впрочем, все это второстепенно по отношению к предмету данной статьи. Есть вопросы более принципиального значения. Так, в разделе книги, где идет речь о взаимоотношениях Тургенева и Тэна, А. Звигильский дает явно произвольную интерпретацию отзыву Ипполита Тэна о «Живых мощах» и ссылке на этот рассказ в книге Тэна «Происхождение современной Франции». И. Тэн, высоко ценивший роль религиозной жизни в средневековой Франции (рассматривал монастыри и духовенство как хранителей знания и нравственного здоровья нации, положительно отзывался о горячей вере простолюдинов в Царствие Небесное, хотя и, будучи ученым-позитивистом, не разделял этой надежды), ссылается на два произведения в СОВРЕМЕННОЙ литературе, которые могут служить иллюстрацией того, каким было «состояние верующей души в средневековье» – «Живые мощи» Тургенева и «Паломничество в Кевлар» Гейне.

Вкупе с восторженным отзывом Тэна о «Живых мощах» (письмо его к Тургеневу приводилось в начале данной статьи) ссылка его на этот рассказ в «Происхождении современной Франции» может быть охарактеризована только как положительный пример, – в контексте его рассуждений о верующей душе в средневековье. А. Звигильский же увидел в рассказе Тургенева и легенде Гейне (и приписал это же восприятие И. Тэну) лишь «два поразительных случая» СУЕВЕРИЯ в XIX веке, «приметы детской ментальности» [1: 155, 158]. Следует отметить, что такая интерпретация заметно искажает идейное содержание обоих произведений, смещая их смысловой центр на периферию повествования.

Еще более странным оказалось восприятие А. Звигильским христианских ассоциаций в «Стихотворениях в прозе». Считая влияние Тэна основным в этих рассказах (что крайне спорно), Звигильский находит здесь, главным образом, шуточный тон и пародию. Действительно, среди миниатюр «Стихотворений в прозе» есть и пародии. Однако не они составляют основную массу этих коротких рассказов и эссе.

Но вот миниатюра «Два богача», построенная на прямой ассоциации с новозаветной притчей о богатых и бедной вдове, пожертвовавшей две лепты в храм – все, что у нее было. У Тургенева богачом выступает Ротшильд, а бедняком – русский крестьянин, приютивший сироту и не имеющий теперь денег, чтобы купить соль для похлебки. А. Звигильский обнаруживает здесь у Тургенева «воодушевление комического характера», навеянное «учеными заметками о налоге на соль»! [1: 160]. Возникает вопрос: возможно ли, чтобы ученый такого уровня как Звигильский не заметил здесь совершенно недвусмысленную библейскую мудрость? Остается обратиться к Тургеневу и сравнить его заключительную фразу с финальными словами притчи Христа:

«И сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила» [8: Лк. 21, 3].

У Тургенева: «Далеко Ротшильду до этого мужика» [2 – Сочинения. Т. 13: 176].

В целом же, можно констатировать, что восприятие русской религиозной духовности западными критиками в наше время, хотя бы на примере приведенных здесь материалов, показывает, во-первых, что тенденция некоторой предвзятости сохраняется; во-вторых, наблюдается, вольное или невольное, но заметное стремление «спроецировать» свои сложные духовные проблемы и поиски на русскую классическую литературу, с надеждой найти в ней ответы на свои собственные – очень нелегкие – вопросы. Очень хотелось бы верить, что эти поиски будут не напрасными.

Список литературы:

1. Звигильский А. Иван Тургенев и Франция. – М., 2008.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. – М.-Л., 1964-1968.
3. Письма И.С. Тургенева графине Е.Е. Ламберт. – М., 1915.
4. Иностранная критика о Тургеневе. – СПб., 1904.
5. Иностранная литература, 1939, № 1.
6. Жоржъ Сандъ по ея письмам. – СПб., 1901.
7. Русская литература XIX века и христианство. – М., 1997.
8. Библия. Новый Завет. – М., 1991.

V. Solodovnik

MYSTERIOUS LUKERIA. THE PROBLEMS OF PERCEPTION OF «THE RUSSIAN RELIGIOUS SPIRITUALITY» BY WESTERN CRITICISM (ON I. TURGENEV'S STORY «LIVING RELICS»)

Abstract: The paper reveals the perception of the Russian religious spirituality by western critics on material of I. Turgenev's story «Living relics».

Key words: The western thinkers, Russian religious spirituality.